MASTER
NEGATIVE
NO. 92-80547-5

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

MARX, KARL

TITLE:

VVEDENIE K KRITIKE FILOSOFII PRAVA ...

PLACE:

ODESSA

DATE:

1906

Master Negative #

92-80547-5

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

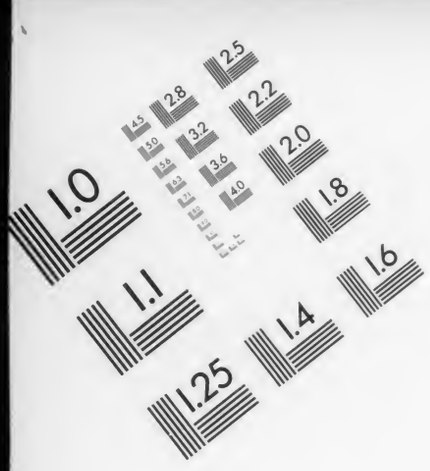
Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

```
BKS/PROD  Books        FUL/BIB   NYCG92-B15801          Acq Maintenance  NYCG-NS
FIN ID NYCG92-B15801 - Record 1 of 1 - SAVE record
+
  ID:NYCG92-B15801            RTYP:a    ST:s    FRN:    MS:    EL:      AD:03-06-92
  CC:9668  BLT:am      DCF:?   CSC:?   MOD:     SNR:       ATC:        UD:03-26-92
  CP:unr      L:sla     INT:?   GPC:?   BIO:?   FIC:?      CON:???
  PC:s       PD:1906/           REP:?   CPI:?   FSI:?      ILC:????   II:?
  MMD:       OR:     POL:      DM:      RR:        COL:       EML:       GEN:   BSE:
  040      NNC‡cNNC
  100 1    Marx, Karl.
  245 10   Vvedenie k kritike filosofii prava Gegelia‡h[microform]‡cK. Marks; per
           evod pod redaktsiev Yu. Adamovicha.
  260      Odessa:‡bBurevestnik.‡c1906.
  300      23 p.
  LDG      ORIG
  QD       03-06-92
```

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/3/92 INITIALS JM
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

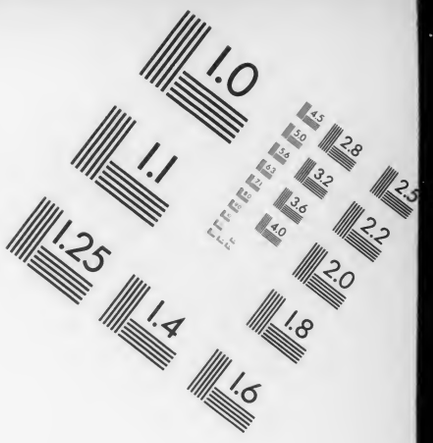


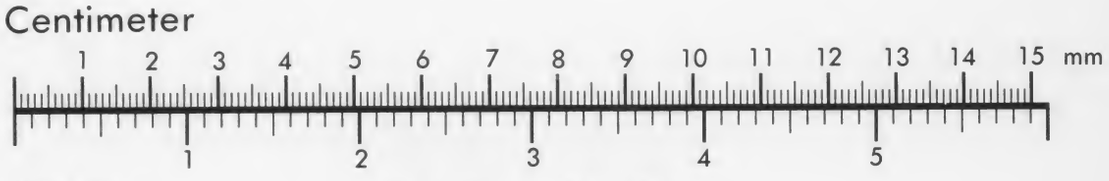
AIIM

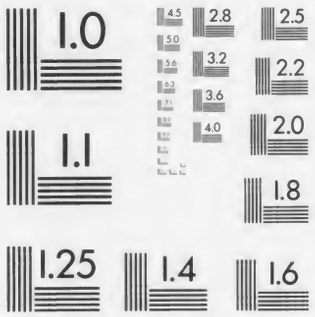
Association for Information and Image Management

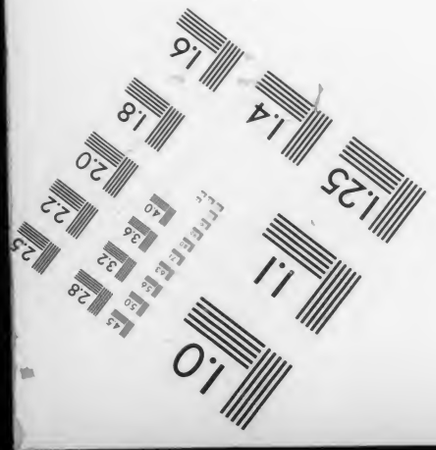
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

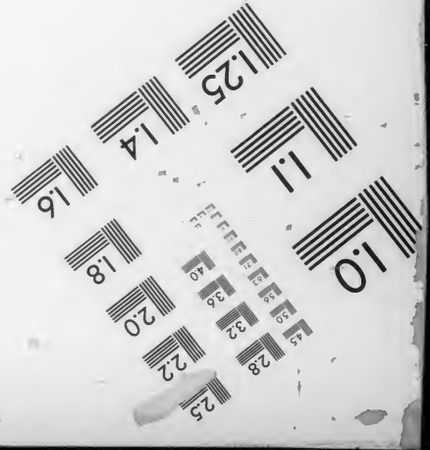
301/587-8202



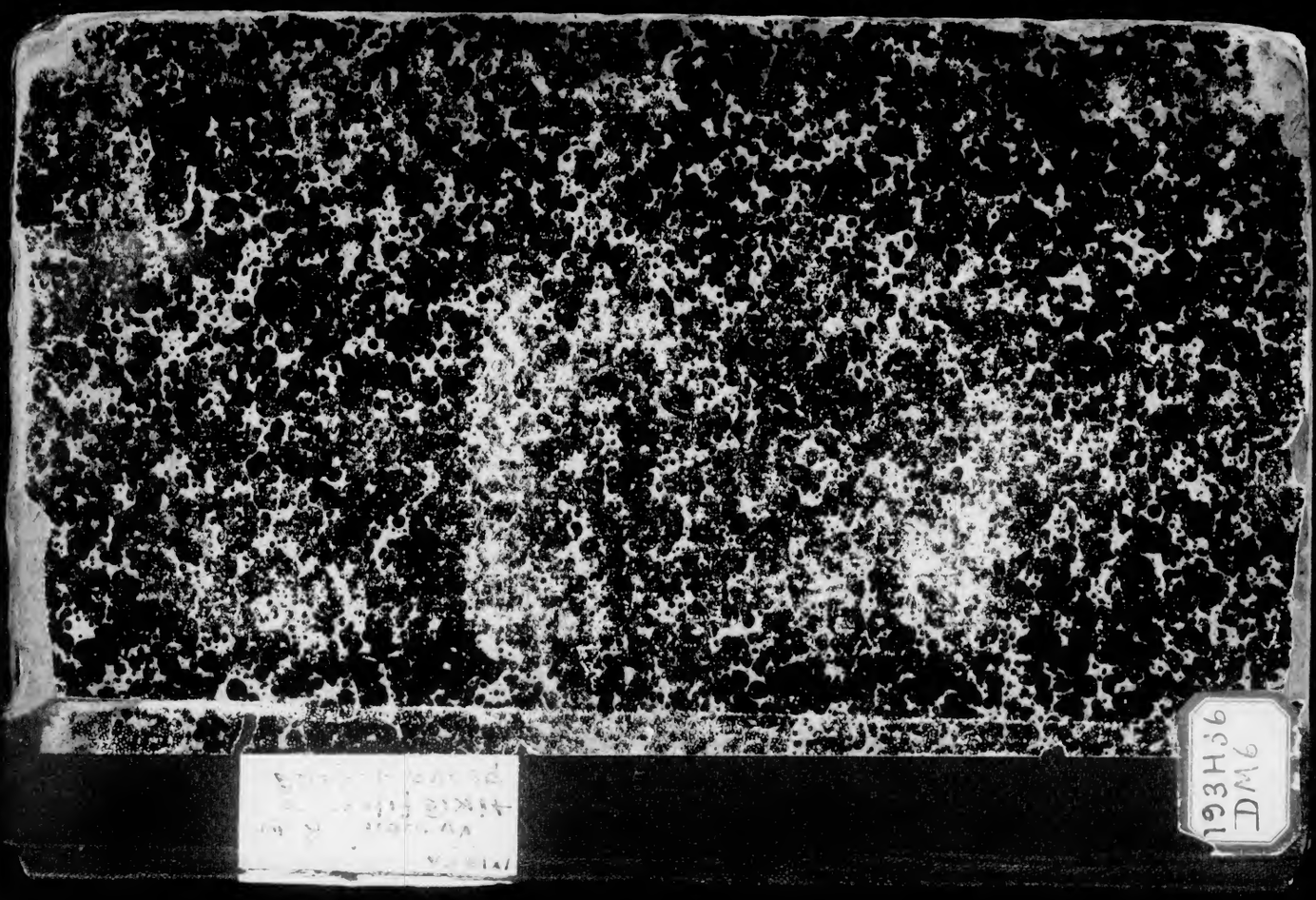








MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.


193H36
DM6

193 H36 DM6

Columbia University
in the City of New York
Library

Given by
Felix M. Warburg

Книгоиздательство „Буревѣстникъ“.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля.

Переводъ подъ редакціей Ю. АДАМОВИЧА.

Съ портретомъ автора.

Цѣна 6 коп.

ТИП. И. КОПЕЛЬМАНА, ОДЕССА.

К. МАРКСЪ.

Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля.

Переводъ подъ редакціей Ю. АДАМОВИЧА.

Съ портретомъ автора.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

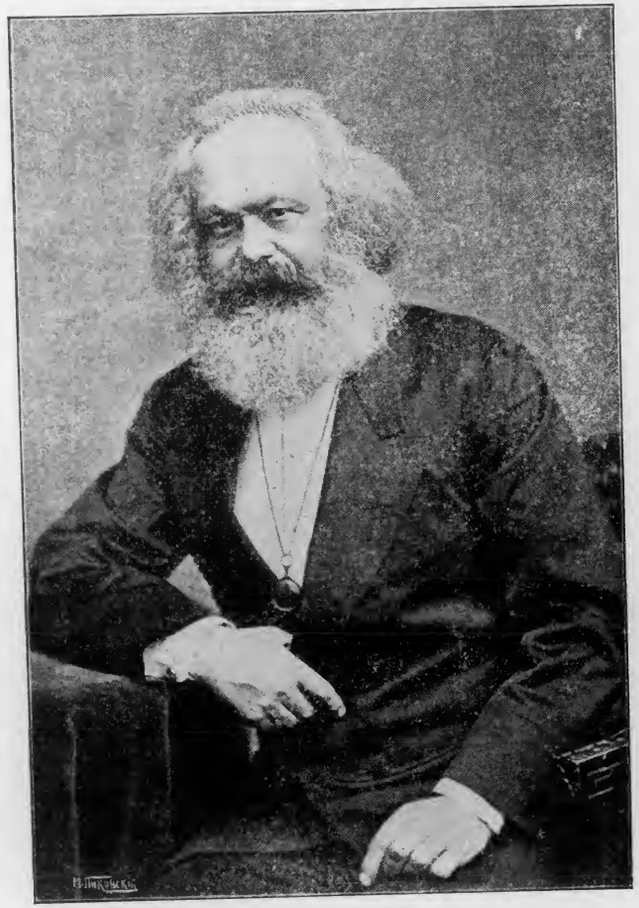
ОДЕССА. — 1906.

marx
III

193 H36
D16

Дозволено цензурою. Одесса, 25 ноября 1905 года

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.



Карлъ Марксъ.

Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля.

Въ Германіи критика религіи въ своемъ существенномъ содержаніи закончена, а критика религіи — предпосылка всякой критики.

Прочность земного существованія заблужденія подорвана, какъ только опровергнуто его небесное oratio pro aris et focis. Человѣкъ, нашедшій въ фантастической дѣйствительности неба, гдѣ онъ искалъ сверхчеловѣка, лишь отраженіе самого себя, теряетъ склонность видѣть только свой призракъ, только извращеннаго человѣка тамъ, гдѣ онъ ищетъ и долженъ искать свою истинную дѣйствительность.

Въ основѣ нерелигіозной критики лежитъ положеніе: «человѣкъ создаетъ религію, религія не создаетъ человѣка». Притомъ религія представляетъ самосознаніе и самочувствіе человѣка, еще не обрѣвшаго, или уже снова потерявшаго самого себя.

Но человѣкъ не есть абстрактное, внѣ міра витающее существо. Человѣкъ, это—*міръ человѣка,* государство, общежитіе. Это государство, это общежитіе создаютъ религію — извращенное міросознаніе, такъ какъ они сами представляютъ извращенный міръ.

Религія, это—общая теорія этого міра, его энциклопедическое руководство, его популяризированная логика, его спиритуалистическій point d'honneur, его энтузіазмъ, его

5 Nov. 1908 Zinkhovich
MAY 20 1908
396178

нравственная санкція, его торжественное восполненіе, общій источникъ его утѣшенія и оправданія. Она — фантастическое осуществленіе сущности человѣка, такъ какъ человѣческая сущность не обладаетъ реальной дѣйствительностью. Борьба противъ религіи является, слѣдовательно, косвенной борьбой противъ того міра, духовнымъ ароматомъ котораго является религія.

Нищета религіи есть, одновремено, и *выраженіе* дѣйствительной нищеты, *протестъ* противъ дѣйствительной нищеты. Религія это—стонъ угнетеннаго существа, это настроеніе безсердечнаго міра, это—духъ бездушныхъ условій жизни. Она благодатный *опіумъ* народа.

Устраненіе религіи, какъ *призрачнаго* счастья народа, это требованіе его дѣйствительнаго счастья. Требованіе отказаться отъ иллюзій относительно своего положенія есть требованіе *отказаться отъ положенія, нуждающагося въ иллюзіятъ*. Критика религіи, слѣдовательно, представляетъ въ зародышѣ критику той плачевной юдоли, священнымъ ореоломъ которой является религія.

Критика сорвала съ оковъ воображаемые цвѣты не для того, чтобы человѣкъ продолжалъ нести эти оковы, лишенныя всякой фантазіи, всякаго утѣшенія, а для того, чтобы онъ сбросилъ цѣпи и протянулъ руку за живымъ цвѣткомъ. Критика религіи разрушаетъ заблужденія человѣка, чтобы онъ мыслилъ, дѣйствовалъ, создавалъ свою дѣйствительность, какъ человѣкъ, свободный отъ заблужденій, руководимый разсудкомъ; чтобы онъ обращался около самого себя, а тѣмъ самымъ около своего дѣйствительнаго солнца. Религія, это лишь призрачное солнце, обращающееся вокругъ человѣка, пока онъ не обращается около самого себя.

Задача исторіи, слѣдовательно, когда исчезъ фантастическій міръ правды, установить правду въ реальномъ мірѣ. Задача философіи, пособника исторіи, послѣ того, какъ сорвана личина съ человѣческаго самоотчужденія, скрывавшагося въ формѣ святыни,—разоблачить это самоотчужденіе и въ его *формахъ,* чуждыхъ святыни. Критика небеснаго превращается тѣмъ самымъ въ критику земного, *критика религіи въ критику права, критика богословія — въ критику политики.*

Послѣдующее изложеніе, входящее въ область этой работы исходитъ непосредственно не изъ оригинала, а изъ копіи, именно изъ нѣмецкой *философіи* государства и права, и это исключительно потому, что онъ имѣетъ въ виду Германію.

Если бы даже исходить изъ самого нѣмецкаго status quo, результатъ оказался бы всетаки *анахронизмомъ,* хотя бы къ анализу и было приступлено единственно соотвѣтствующимъ путемъ, т. е. отрицательно. Даже отрицаніе нашего современнаго политическаго порядка имѣется въ видѣ запыленнаго факта въ исторической кладовой современныхъ народовъ. Когда я отрицаю напудренныя косички, все же остаются еще косички ненапудренныя. Когда я отрицаю нѣмецкій порядокъ 1843 года, то я, по французской хронологіи, едва нахожусь въ эпохѣ 1789 года, значитъ еще дальше отъ фокуса современности.

Да, нѣмецкая исторія гордится движеніемъ, подобнаго которому ни одинъ народъ на историческомъ небосклонѣ не продѣлалъ до нея, не продѣлаетъ и послѣ нея. Именно, мы принимали участіе въ реставраціяхъ современныхъ народовъ, не участвовавъ въ ихъ революціяхъ. Насъ реставрировали, вопервыхъ потому, что другіе народы имѣли смѣлость поднять знамя революціи, и, вовторыхъ, потому, что эти народы переживали контръ-революціи, т. е. одинъ разъ потому, что наши владыки боялись, а другой разъ потому, что наши владыки не боялись. Мы, съ нашими пастырями во главѣ находились въ обществѣ свободы всего лишь въ одномъ случаѣ, именно въ день ея похоронъ.

Школа, которая сегодня совершаемыя низости узакониваетъ низостями вчерашняго дня, школа, которая объявляетъ мятежомъ каждый крикъ крѣпостного противъ кнута, если только это старый, унаслѣдованный, историческій кнутъ, школа, которой исторія, какъ Богъ Израиля своему слугѣ

Моисею, показываетъ только свое a posteriori, однимъ словомъ историческая школа права изобрѣла бы исторію Германіи, еслибы сама небыла изобрѣтеніемъ этой исторіи. Этокъ Шейлокъ, но Шейлокъ-слуга, при всякомъ кускѣ мяса, вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, ссылается подъ присягою на свой вексель, на свой историческій вексель, на свой христіанско-германскій вексель.

Напротивъ добродушные энтузіасты, германофилы по крови и либералы по мышленію, ищутъ исторію нашей свободы по ту сторону нашей исторіи въ первобытныхъ тевтонскихъ лѣсахъ. Но чѣмъ же отличается исторія нашей свободы отъ исторіи свободы дикаго кабана, если ее можно найти только въ лѣсахъ? При томъ всѣмъ извѣстная истина: что крикнешь въ лѣсу, тѣмъ онъ отзавется. Итакъ, миръ тевтонскимъ лѣсамъ!

Война германскимъ порядкамъ! Конечно, *они ниже уровня исторіи* они *ниже* всякой критики, тѣмъ не менѣе они остаются предметомъ критики, какъ преступникъ, стоящій ниже уровня человѣчества, все же остается объектомъ дѣятельности палача. Въ войнѣ съ этими порядками критика является не страстью интеллекта, а интеллектуальнымъ орудіемъ страсти. Она—не ножъ анатома, но оружіе борьбы. Объектъ ея—ея врагъ, котораго она стремится не опровергнуть, а уничтожить. Ибо духъ этихъ порядковъ опровергнутъ. Сами по себѣ это уже не объекты, достойные вниманія, а лишь дѣйствительность, настолько же презрѣнная, насколько и презираемая. Критикѣ, какъ таковой, нечего выяснять свое отношеніе къ этому предмету, потому что оно уже ясно. Она выступаетъ уже не какъ самоцѣль, а только еще какъ средство. Сущностью ея патетизма стало негодованіе, сущностью ея работы—обличеніе.

Дѣло идетъ объ изображеніи взаимнаго гнетущаго давленія всѣхъ общественныхъ сферъ, всеобщаго бездѣятельнаго недовольства, ограниченности, въ равной мѣрѣ сознающей и не сознающей себя таковой, ограниченности, заключенной въ рамки правительственной системы, которая существуя лишь

путемъ сохраненія всякаго ничтожества, сама является ничѣмъ инымъ, какъ ничтожествомъ у кормила правленія.

Какова картина! Безконечное дробленіе общества на самыя разнообразныя расы, стоящія другъ противъ друга съ ихъ мелочными антипатіями, съ ихъ нечистой совѣстью, съ ихъ грубой посредственностью, при чемъ именно благодаря ихъ двусмысленному, недоброжелательному взаимному отношенію ихъ повелители обращаются со всѣми ими безъ различія, хотя и при соблюденіи различныхъ формальностей, какъ съ существами, которымъ они снисходительно разрѣшаютъ жить. И даже тотъ фактъ, что ими повелѣваютъ, правятъ, владѣютъ, они должны признавать и исповѣдывать, какъ примѣръ снисходительности неба! А, съ другой стороны, сами эти повелители, величіе которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ числу.

Критика, имѣющая передъ собой подобное содержаніе, есть критика, находящаяся въ рукопашномъ бою, а въ рукопашномъ бою дѣло не въ томъ, благороденъ ли противникъ, равенъ ли онъ намъ, возбуждаетъ ли онъ интересъ,—дѣло въ томъ, чтобы *нанести ему ударъ*. Дѣло въ томъ, чтобы не дать нѣмцамъ ни минуты для самообольщенія и для примиренія съ существующимъ. Нужно сдѣлать гнетъ еще болѣе гнетущимъ, усиливая его сознаніемъ гнета; нужно сдѣлать позоръ еще болѣе позорнымъ, дѣлая его публичнымъ. Нужно каждую сферу нѣмецкаго общества изобразить, какъ patrie honteuse этого общества; нужно эти окаменѣлыя общественныя отношенія заставить пуститься въ плясъ, напѣвая имъ ихъ собственную мелодію! Нужно научить народъ ужасаться самому себѣ, чтобы прибавить ему мужества. Этимъ будетъ удовлетворена самая насущная потребность нѣмецкаго народа, а потребности народовъ сами по себѣ составляютъ конечное основаніе для ихъ удовлетворенія.

Эта борьба противъ ограниченнаго содержанія нѣмецкаго status quo не можетъ не имѣть интереса и для современныхъ народовъ, потому что германское status quo есть *откровенное завершеніе* ancien regime'a, a ancien regime

есть *скрытный недостатокъ современнаго государства.* Борьба противъ политической современности Германіи это—борьба противъ прошлаго современныхъ народовъ, а отголоски этого прошлаго до сихъ поръ еще давятъ ихъ. Для нихъ поучительно видѣть, какъ ancien règime, переживъ у нихъ свою *трагедію*, теперь, какъ нѣмецкое привидѣніе разыгрываетъ свою *комедію.* Трагична была его исторія, пока онъ былъ искони существующей міровой силой, свобода же носила характеръ личнаго каприза; пока, однимъ словомъ, онъ самъ вѣрилъ и долженъ былъ вѣрить въ свое право. Пока ancien règime, какъ наличный міровой порядокъ, боролся съ только возникающимъ еще міромъ, на его сторонѣ стояло заблужденіе всемірно-историческое, а не личное. Его паденіе, поэтому, было трагично.

Современный же германскій режимъ, этотъ анахронизмъ, это явное противорѣчіе основнымъ, общепризнаннымъ аксіомамъ, эта выставленная на показъ несостоятельность ancien règime'a—только воображаетъ, что вѣрить въ самого себя, и требуетъ отъ міра, чтобы и тотъ воображалъ это. Если бы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ свою сущность, то сталъ ли бы онъ скрывать ее подъ *призракомъ,* чужой сущности, сталъ ли бы онъ искать спасенія въ лицемѣріи и софизмахъ? Современный ancien régime, это только гаеръ мірового порядка, дѣйствительные герои котораго давно умерли. Исторія дѣйствуетъ основательно и проходитъ много фазисовъ когда она хоронитъ устарѣлую форму жизни. Послѣдній фазисъ всякой всемірно-исторической формы, это — *комедія.* Боги древней Греціи которые уже были однажды трагически смертельно ранены въ закованномъ Прометеѣ Эсхила, должны были еще разъ умереть комически въ разговорахъ Лукіана. Для чего исторія слѣдуетъ этому порядку? Для того, чтобы человѣчество весело распрощалось со своимъ прошлымъ. Это веселое историческое назначеніе приводимъ мы въ оправданіе политическихъ державъ Германіи.

Но какъ только критика избираетъ своимъ предметомъ современную соціально-политическую дѣйствительность, какъ

только она, такимъ образомъ, возвышается до истинно-человѣческихъ задачъ она становится уже внѣ германскаго status quo, или ей пришлось бы принять за предметъ своего разсмотрѣнія нѣчто, лежащее ниже предмета ея разсмотрѣнія. Возьмемъ примѣръ. Отношеніе промышленности, вообще—міра богатства къ политическому міру,—представляетъ одну изъ главныхъ задачъ нашего времени. Въ какой же формѣ эта задача начинаетъ занимать нѣмцевъ? Въ формѣ таможенныхъ пошлинъ, запретительной системы, въ формѣ національной экономіи. Германофильство съ человѣка перенеслось на вещи, и такимъ образомъ въ одно прекрасное утро наши рыцари-хлопчатники и герои желѣзо-промышленники превратились въ патріотовъ. Въ Германіи, слѣдовательно, начинаютъ признавать господство монополіи внутри страны тѣмъ, что представляютъ ей господствовать во внѣшнихъ отношеніяхъ. Итакъ, въ Германіи, начинаютъ приступать теперь къ тому самому, отъ чего начинаютъ отдѣлываться въ Англіи, и во Франціи. Старый, гнилой порядокъ, противъ котораго эти страны борятся въ теоріи и который онѣ только переносятъ, какъ переносятъ оковы,—привѣтствуется въ Германіи, какъ утренняя заря прекраснаго будущаго, едва еще дерзающаго изъ листовски-хитрой теоріи перейти *) въ самую безпощадную практику. Въ то время какъ въ Англіи и во Франціи задача формулируется такъ: политическая экономія, или господство общества надъ богатствомъ, въ Германіи она гласитъ: національная экономія, или господство частной собственности надъ націей. Въ Англіи и во Франціи стремятся къ уничтоженію монополіи, дошедшей до своихъ крайнихъ результатовъ; въ Германіи—къ доведенію монополіи до этихъ крайнихъ результатовъ. Тамъ дѣло идетъ о развязкѣ, здѣсь едва лишь

*) Дѣло идетъ объ экономическихъ теоріяхъ Фридриха Листа (1789—1846), главный трудъ котораго „Nationale sistem der Palitischen Oekonomie", появился въ 1841 г., и на котораго смотрѣли какъ на первостепеннаго и вполнѣ національно-нѣмецкаго реформатора въ политической экономіи. Въ текстѣ—непереводимая игра словъ, такъ какъ имя Листа (List) обозначаетъ и „хитрость"!

Примѣч. Переводчика.

бюрократія съ дворянствомъ, буржуазія со всѣми ими вмѣстѣ; а пролетаріатъ уже начинаетъ борьбу противъ буржуазіи. Едва средніе классы со своей точки зрѣнія рѣшаются усвоить идею эмансипаціи, какъ уже развитіе соціальныхъ условій и успѣхи политическихъ теорій объявляютъ эту точку зрѣнія устарѣвшей или, по крайней мѣрѣ, спорной.

Во Франціи достаточно быть чѣмъ нибудь, для того, чтобы захотѣть быть всѣмъ. Въ Германіи же, чтобы не отказаться отъ всего, нужно быть ничѣмъ. Во Франціи частичная эмансипація является основой для всеобщей. Въ Германіи всеобщая эмансипація conditio sine qua non для всякой частичной. Во Франціи полная свобода возникаетъ, какъ необходимое слѣдствіе дѣйствительности постепеннаго освобожденія, въ Германіи — какъ слѣдствіе его невозможности. Во Франціи каждый общественный классъ — политическій идеалистъ и сознаетъ себя прежде всего не отдѣльнымъ классомъ, а представителемъ общественныхъ потребностей вообще.

Поэтому здѣсь роль освободителя переходитъ послѣдовательно въ драматическомъ движеніи къ различнымъ классамъ французскаго народа, пока она, наконецъ, выпадетъ на долю того класса, который не станетъ осуществлять соціальную свободу на базисѣ опредѣленныхъ условій, лежащихъ внѣ человѣка, но созданныхъ тѣмъ не менѣе человѣческимъ обществомъ, а, наоборотъ, организуетъ весь строй человѣческой жизни на базисѣ соціальной свободы. Въ Германіи же, гдѣ практическая жизнь настолько же безъ идейна, настолько идейная непрактична, ни одинъ классъ буржуазнаго общества не обнаруживаетъ склонности и способности къ всеобщей эмансипаціи, пока его не вынуждаетъ къ этому его непосредственное положеніе, матеріальная необходимость, тяжесть его оковъ.

Гдѣ-же положительная возможность эмансипаціи нѣмецкаго народа?

Отвѣтъ: въ созданіи класса, носящаго радикальныя цѣпи, класса въ буржуазномъ обществѣ, который не является классомъ буржуазнаго общества, сословія, которое знаменуетъ

ность нѣмецкаго народа не можетъ ограничиться ни непосредственнымъ отрицаніемъ его реальныхъ государственныхъ и правовыхъ порядковъ, ни непосредственнымъ осуществленіемъ его идеальныхъ представленій о государствѣ и правѣ потому что непосредственное отрицаніе его реальныхъ порядковъ заключается въ его идеальныхъ порядкахъ, а непосредственное осуществленіе своихъ идеальныхъ порядковъ онъ уже почти пережилъ въ воззрѣніяхъ сосѣднихъ народовъ. Поэтому практическая политическая партія въ Германіи права, когда она требуетъ отрицанія философіи. Она не права не тогда, когда ставитъ это требованіе, а когда останавливается на одномъ лишь требованіи не приступая серьезно къ его выполненію и не будучи въ состояніи его выполнить. Она думаетъ, что достигаетъ отрицанія философіи тѣмъ, что поворачивается къ ней спиной и бормочетъ по ея адресу нѣсколько злобныхъ банальныхъ фразъ. Благодаря ограниченности своего кругозора, она не относитъ философію къ нѣмецкой дѣйствительности, или ставитъ ее даже *ниже* нѣмецкой практики и служащихъ ей теорій. Вы требуете, чтобы за точку исхода брали дѣйствительные зародыши жизни, но вы забываете, что истинный ростокъ жизни нѣмецкаго народа прозябалъ до сихъ поръ только подъ его черепомъ. Однимъ словомъ: вы не можете упразднить философію, не осуществивъ ея.

Ту же ошибку, только на выворотъ, сдѣлала и теоретическая политическая партія, которая опиралась на философію.

Она замѣтила въ современной борьбѣ только критическую борьбу философіи съ нѣмецкимъ міромъ, она не приняла въ соображеніе, что вся прежняя философія сама принадлежитъ къ этому міру и составляетъ его дополненіе, хотя бы только идеальное. Относясь критически къ противникамъ, эта партія къ самой себѣ относилась некритически, когда она; исходя изъ посылокъ философіи, или останавливалась на полученныхъ результатахъ, или выдавала за непосредственныя требованія и результаты философіи, требованія и резуль-

Страницы 12 и 21 перепутаны: 12 находится на мѣстѣ 21, а 21 на мѣстѣ 12, что просимъ читателя замѣтить.

успѣхи политическихъ теорій объявляютъ эту точку зрѣнія устарѣвшей или, по крайней мѣрѣ, спорной.

Во Франціи достаточно быть чѣмъ нибудь, для того, чтобы захотѣть быть всѣмъ. Въ Германіи же, чтобы не отказаться отъ всего, нужно быть ничѣмъ. Во Франціи частичная эмансипація является основой для всеобщей. Въ Германіи всеобщая эмансипація conditio sine qua non для всякой частичной. Во Франціи полная свобода возникаетъ, какъ необходимое слѣдствіе дѣйствительности постепеннаго освобожденія, въ Германіи — какъ слѣдствіе его невозможности. Во Франціи каждый общественный классъ — политическій идеалистъ и сознаетъ себя прежде всего не отдѣльнымъ классомъ, а представителемъ общественныхъ потребностей вообще.

Поэтому здѣсь роль освободителя переходитъ послѣдовательно въ драматическомъ движеніи къ различнымъ классамъ французскаго народа, пока она, наконецъ, выпадетъ на долю того класса, который не станетъ осуществлять соціальную свободу на базисѣ опредѣленныхъ условій, лежащихъ внѣ человѣка, но созданныхъ тѣмъ не менѣе человѣческимъ обществомъ, а, наоборотъ, организуетъ весь строй человѣческой жизни на базисѣ соціальной свободы. Въ Германіи же, гдѣ практическая жизнь настолько же безъ идейна, настолько идейная непрактична, ни одинъ классъ буржуазнаго общества не обнаруживаетъ склонности и способности къ всеобщей эмансипаціи, пока его не вынуждаетъ къ этому его непосредственное положеніе, матеріальная необходимость, тяжесть его оковъ.

Гдѣ-же положительная возможность эмансипаціи нѣмецкаго народа?

Отвѣтъ: въ созданіи класса, носящаго радикальныя цѣпи, класса въ буржуазномъ обществѣ, который не является классомъ буржуазнаго общества, сословія, которое знаменуетъ

ность нѣмецкаго народа не можетъ ограничиться ни непосредственнымъ отрицаніемъ его реальныхъ государственныхъ и правовыхъ порядковъ, ни непосредственнымъ осуществленіемъ его идеальныхъ представленій о государствѣ и правѣ потому что непосредственное отрицаніе его реальныхъ порядковъ заключается въ его идеальныхъ порядкахъ, а непосредственное осуществленіе своихъ идеальныхъ порядковъ онъ уже почти пережилъ въ воззрѣніяхъ сосѣднихъ народовъ. Поэтому практическая политическая партія въ Германіи права, когда она требуетъ отрицанія философіи. Она не права не тогда, когда ставитъ это требованіе, а когда останавливается на одномъ лишь требованіи не приступая серьезно къ его выполненію и не будучи въ состояніи его выполнить. Она думаетъ, что достигаетъ отрицанія философіи тѣмъ, что поворачивается къ ней спиной и бормочетъ по ея адресу нѣсколько злобныхъ банальныхъ фразъ. Благодаря ограниченности своего кругозора, она не относитъ философію къ нѣмецкой дѣйствительности, или ставитъ ее даже *ниже* нѣмецкой практики и служащихъ ей теорій. Вы требуете, чтобы за точку исхода брали дѣйствительные зародыши жизни, но вы забываете, что истинный ростокъ жизни нѣмецкаго народа прозябалъ до сихъ поръ только подъ его черепомъ. Однимъ словомъ: вы не можете упразднить философію, не осуществивъ ея.

Ту же ошибку, только на выворотъ, сдѣлала и теоретическая политическая партія, которая опиралась на философію.

Она замѣтила въ современной борьбѣ только критическую борьбу философіи съ нѣмецкимъ міромъ, она не приняла въ соображеніе, что вся прежняя философія сама принадлежитъ къ этому міру и составляетъ его дополненіе, хотя бы только идеальное. Относясь критически къ противникамъ, эта партія къ самой себѣ относилась некритически, когда она; исходя изъ посылокъ философіи, или останавливалась на полученныхъ результатахъ, или выдавала за непосредственныя требованія и результаты философіи, требованія и резуль-

таты, полученные инымъ путемъ, тогда какъ они, напротивъ, —предполагая ихъ вѣрными—могли быть получены лишь путемъ отрицанія традиціонной философіи именно философіи, какъ таковой. Мы предоставляемъ себѣ въ будущемъ вернуться къ болѣе подробной характеристикѣ этой партіи. Ея коренной недостатокъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: она думала осуществить философію, не упраздняя ея.

Критика нѣмецкой философіи права и государства, получившей у Гегеля свою самую послѣдовательную, самую богатую и, вмѣстѣ съ тѣмъ законченную формулировку, ставитъ себѣ обѣ цѣли: и критически анализъ современнаго государства и связанной съ нимъ дѣйствительности, и рѣшительное отрицаніе всѣхъ предшествовавшихъ формъ нѣмецкаго *политическаго* и *правоваго сознанія,* получившаго самое благородное, самое универсальное, до уровня науки поднятое выраженіе, именно въ умозрительной философіи права.

Если только въ Германіи возможна была умозрительная философія права—это абстрактное оторванное отъ жизни мышленіе современнаго государства дѣйствительность котораго лежитъ въ запредѣльномъ мірѣ, хотя бы этотъ міръ находился только за предѣлами Рейна—то и наоборотъ нѣмецкое созданіе мысленнаго образа современнаго государства путемъ абстракціи отъ дѣйствительнаго человѣка было возможно, лишь поскольку само современное государство отвлекается отъ дѣйствительныхъ людей или удовлетворяетъ цѣлостнаго человѣка лишь фиктивнымъ образомъ.

Нѣмцы пережили въ области мысли тѣ политическіе вопросы которые другіе народы осуществили на дѣлѣ. Германія была ихъ теоретической совѣстью. Абстрактность и высокопарность ея мышленія шли въ ногу съ односторонностью и приниженностью ея дѣйствительности. Поэтому, если status quo государственнаго строя Германіи выражаетъ собой ancien régime, въ его совершенствѣ, занозу въ тѣлѣ современнаго государства, то status quo нѣмецкаго пониманія государства выражаетъ несовершенство современнаго государства, испорченность самаго его тѣла.

Какъ рѣшительная противоположность господствовавшей до сихъ поръ формы нѣмецкаго политическаго сознанія, критика умозрительной философіи права не ограничивается своими предѣлами, а приводитъ къ задачамъ, для разрѣшенія которыхъ есть только одно средство: практика.

Спрашивается: можетъ-ли Германія дойти до практики à la hauteur des principes, т. е. до революціи, которая подняла бы ее не только до оффиціальнаго уровня современныхъ народовъ, но и на высоту, достойную человѣка, высоту, которая составитъ ближайшее будущее этихъ народовъ?

Оружіе критики не можетъ, конечно, замѣнить критику оружія, *матеріальная сила* должна быть низвергнута *матеріальной же силой*; однако, матеріальной силой является и теорія, какъ только она овладѣваетъ массами. Теорія можетъ овладѣть массами, когда она доказываетъ ad hominem; а доказываетъ она ad hominem, когда становится радикальною. Быть радикальнымъ, значитъ разсматривать вещи въ корнѣ. Но корнемъ всего для человѣка является самъ человѣкъ. Явнымъ доказательствомъ радикализма нѣмецкой теоріи — значитъ и ея практической энергіи — служитъ тотъ фактъ, что она начала съ рѣшительнаго и положительнаго устраненія религіи. Критика религіи заканчивается ученіемъ, что высшее существо для человѣка есть самъ человѣкъ, слѣдовательно, категорическимъ обязательствомъ совершить переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ, которыя обращаютъ человѣка въ униженное, порабощенное, заброшенное, презрѣнное существо; эти отношенія нельзя лучше характеризовать, какъ восклицаніемъ одного француза по поводу проэктированнаго налога на собакъ: «бѣдные псы, съ вами хотятъ обращаться, какъ съ людьми!»

Даже съ точки зрѣнія исторіи теоретическая эмансипація имѣетъ для Германіи спеціально-практическое значеніе. Именно, революціонное прошлое Германіи носитъ теоретическій характеръ; это — *Реформація.* Какъ тогда революція началась въ мозгу монаха, такъ теперь она начинается въ мозгу философа.

Лютеръ, правда, одержалъ побѣду надъ рабствомъ изъ благоговѣнія, потому, что замѣнилъ его рабствомъ изъ убѣжденія. Онъ разрушилъ вѣру въ авторитетъ, потому что возстановилъ авторитетъ вѣры. Онъ превратилъ поповъ въ мірянъ, потому что мірянъ превратилъ въ поповъ. Онъ освободилъ человѣка отъ внѣшней религіозности, потому что религіозность сдѣлалъ внутреннимъ содержаніемъ человѣка. Онъ освободилъ отъ оковъ тѣло, потому что наложилъ оковы на сердце.

Но если протестантизмъ и не былъ истиннымъ рѣшеніемъ задачи, то онъ былъ истинной остановкой ея. Съ тѣхъ поръ дѣло заключалось уже не въ борьбѣ мірянина съ попомъ, стоящимъ внѣ его, но въ борьбѣ его съ своимъ собственнымъ внутреннимъ попомъ, со своей поповской природой. И если протестантское обращеніе мірянъ въ поповъ эмансипировало свѣтскихъ папъ-князей, съ ихъ клиромъ привилегированныхъ филистеровъ, то философское обращеніе нѣмцевъ, проникнутыхъ поповскимъ духомъ, въ людей, эмансипируетъ народъ.

Но какъ эмансипація не ограничилась князьями, такъ секуляризація имуществъ не остановится на обираніи церквей, къ чему прежде другихъ приступила лицемѣрная Пруссія. Въ то время крестьянская война — самый радикальный фактъ въ исторіи Германіи — разбилась о богословіе. Теперь, когда разбилось само богословіе о философію, разобьется самый рабскій фактъ этой исторіи — нашъ status quo. Наканунѣ реформаціи оффиціальная Германія была самымъ послушнымъ холопомъ Рима. Теперь, наканунѣ своей революціи, она послушный холопъ тѣхъ, кто ниже Рима, именно Пруссіи и Австріи, юнкеровъ и филистеровъ.

Но радикальной революціи въ Германіи мѣшаетъ, повидимому, одно важное препятствіе.

Революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, въ матеріальной подкладкѣ. Теорія всегда лишь въ той мѣрѣ осуществляется въ народѣ, въ какой она является осуществленіемъ его потребностей. Будетъ-ли соотвѣтствовать громадному разладу между требованіями нѣмецкой мысли и отвѣтами нѣмецкой дѣйствительности такой же разладъ гражданскаго общества съ государствомъ и съ самимъ собой? Окажутся ли теоретическія потребности непосредственно и потребностями практическими? Недостаточно, чтобы мысль толкала къ дѣйствительности; нужно, чтобы сама дѣйствительность проталкивалась къ мысли.

Но Германія прошла черезъ переходныя ступени политической эмансипаціи не въ одно время съ современными народами. Она не достигла на практикѣ даже тѣхъ ступеней, которыя уже оставила за собой въ теоріи. Какъ сможетъ Германія однимъ salto mortale перескочить не только черезъ стѣсняющія преграды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и черезъ преграды, ограничивающія современные народы, преграды, которыя она въ дѣйствительности должна ощущать и желать какъ освобожденіе отъ ея дѣйствительныхъ преградъ? Радикальная революція можетъ быть только революціей во имя радикальныхъ потребностей, для которыхъ, повидимому, не достаетъ ни предпосылокъ, ни источниковъ.

Но, если, съ одной стороны, Германія участвовала въ развитіи современныхъ народовъ только отвлеченною дѣятельностью мысли, не принимая дѣятельнаго участія въ дѣйствительныхъ битвахъ этого развитія, то съ другой стороны, она раздѣляла страданія этого развитія, не раздѣляя его наслажденій, его частичнаго удовлетворенія. Абстрактной дѣятельности съ одной стороны соотвѣтствуетъ абстрактное страданіе съ другой. Поэтому Германія окажется въ одно прекрасное утро на уровнѣ европейскаго упадка, никогда раньше не стоявъ на уровнѣ европейской эмансипаціи. Ее нужно будетъ сравнить съ фетишистомъ, страдающимъ болѣзнями христіанства.

Если присмотрѣться сперва къ германскимъ правительствамъ, то мы увидимъ, что условія времени, положеніе Германіи, состояніе нѣмецкой образованности, наконецъ, ихъ собственный счастливый инстинктъ вынуждаетъ ихъ сочетать цивилизованные недостатки новаго государственнаго строя — выгодами котораго мы не пользуемся — съ варварскими не-

достатками ancien réqime'a, который пышно расцвѣлъ у насъ; такъ что Германія принуждена все болѣе пользоваться, если не разумными, то, по крайней мѣрѣ, неразумными элементами государственныхъ формъ, опередившихъ ея status quo. Можно ли указать, напримѣръ, на другую страну въ мірѣ, которая такъ наивно раздѣляла бы всѣ иллюзіи конституціоннаго государственнаго строя, не раздѣляя его реальныхъ преимуществъ, какъ это дѣлаетъ такъ называемая конституціонная Германія? Развѣ могло другое правительство, кромѣ нѣмецкаго, выдумать сочетаніе мученій цензуры съ мученіями французскихъ сентябрскихъ законовъ, предполагающихъ свободу прессы? Какъ въ Римскомъ пантеонѣ можно было найти боговъ всѣхъ націй, такъ въ Священной Римской Германской Имперіи можно найти грѣхи всѣхъ государственныхъ формъ. Этотъ эклектизмъ достигнетъ негаданныхъ до сихъ поръ размѣровъ; за это можетъ поручиться политико-эстетическій вкусъ одного изъ нѣмецкихъ королей *), собирающагося разыграть роли всякихъ королей, феодальнаго и бюрократическаго, неограниченнаго и конституціоннаго, автократическаго и демократическаго; и онъ готовъ разыграть ихъ, если и не посредствомъ народа, то самолично, если не для народа, то для самого себя. Германія — это отсутствіе политической современности, сложившееся въ особый самостоятельный міръ— не сможетъ разрушить свои спеціально-нѣмецкія преграды, не разрушивъ общія преграды политической современности.

Утопической мечтой для Германіи является не радикальная революція, не общечеловѣческая эмансипація, а революція частичная, революція только политическая, революція, которая оставитъ неприкосновенными устои зданія. Въ чемъ состоитъ частичная, только политическая революція? Въ томъ, что освобождается и достигаетъ господства надъ цѣлымъ одна часть гражданскаго общества, въ томъ, что опредѣленный классъ, исходя изъ своего особаго положенія, предпринима-

*) Здѣсь имѣется въ виду Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король Прусскій, вступившій на престолъ въ 1840 г. Прим. пер.

етъ эмансипацію всего общества. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но лишь при томъ предположеніи, что все общество находится въ положеніи этого класса, т. е. напримѣръ, обладаетъ деньгами и образованіемъ, или можетъ ихъ по желанію пріобрѣсти.

Ни одинъ классъ буржуазнаго общества не можетъ сыграть этой роли, не вызвавъ на мгновеніе энтузіазма въ своей средѣ и въ массахъ; въ этотъ моментъ онъ братается и сливается съ обществомъ вообще; въ этотъ моментъ этотъ классъ смѣшиваютъ со всѣмъ обществомъ, его сознаютъ и признаютъ представителемъ всего общества; въ этотъ моментъ права и требованія этого класса представляютъ дѣйствительно права и требованія самого общества; онъ дѣйствительно является и головой общества и его сердцемъ. Только во имя правъ всего общества отдѣльный классъ можетъ предъявлять права на всеобщее господство. Чтобы завоевать это положеніе освободителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ добиться политической эксплуатаціи всѣхъ общественныхъ сферъ въ интересахъ собственной сферы, недостаточно одной революціонной энергіи и сознанія своей умственной силы. Чтобы народная революція и эмансипація отдѣльнаго общественнаго класса буржуазнаго общества совпали, чтобы одно сословіе сочли за сословіе, охватывающее все общество, для этого нужно, чтобы всѣ общественные недуги, наоборотъ, были сконцентрированы въ какомъ либо другомъ классѣ, нужно, чтобы опредѣленное сословіе являлось сословіемъ, вызывающимъ всеобщее возмущеніе, воплощеніемъ всеобщихъ преградъ; нужно, чтобы отдѣльная общественная сфера считалась общепризнаннымъ вмѣстилищемъ преступленій всего соціальнаго строя, такъ что освобожденіе отъ этой сферы казалось бы всеобщимъ самоосвобожденіемъ. Для того, чтобы одно сословіе являлось par exellence сословіемъ — освободителемъ, нужно, чтобы, наоборотъ, другое сословіе являлось явнымъ сословіемъ-поработителемъ. Универсально-отрицательное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило универсально-положительное значеніе граничившаго съ ними и противополагавшагося имъ класса *буржуазіи.*

Но каждому отдѣльному классу въ Германіи недостаетъ не только той послѣдовательности, той рѣзкости, того мужества, той безцеремонности, которые сдѣлали бы его представителемъ отрицательныхъ элементовъ общества. Ни у одного сословія нѣтъ и того душевнаго размаха, который позволилъ бы ему, хотя на мгновеніе, отождествиться съ душою народа, нѣтъ той геніальности, которая изъ матеріальной силы создаетъ политическое могущество, нѣтъ той революціонной отваги, которая бросаетъ противнику дерзкій пароль: «я—ничто, а я бы долженъ быть всѣмъ». Основу нѣмецкой морали и честности не только у особъ, но и у классовъ, составляетъ тотъ скромный эгоизмъ, который возводитъ свою ограниченность въ правило и позволяетъ обращать ее противъ самого себя. Поэтому отношеніе между различными слоями нѣмецкаго общества носитъ не драматическій, а эпическій характеръ. Каждый изъ нихъ начинаетъ проникаться сознаніемъ и выступаетъ со своими особыми требованіями рядомъ съ прочими слоями не подъ вліяніемъ испытываемаго ими гнета, а въ томъ случаѣ, когда условія времени, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, создаютъ подъ нимъ новый общественный слой, на который онъ въ свою очередь можетъ оказать гнетъ. Даже нравственное самочувствіе средняго класса въ Германіи основывается на сознаніи, что онъ является общимъ представителемъ филистерской посредственности всѣхъ прочихъ классовъ. Поэтому не только нѣмецкіе короли mal-à-propos вступаютъ на престолъ, но и всякая сфера буржуазнаго общества претерпѣваетъ пораженіе, не отпраздновавъ еще ни одной побѣды; создаетъ свои собственныя преграды, не разрушивъ еще выставленныхъ противъ нея преградъ; проявляетъ ограниченные элементы своей природы, прежде чѣмъ могли обнаружиться ея великодушные элементы; такъ что даже случай сыграть крупную роль ускользаетъ для каждой изъ этихъ сферъ прежде, чѣмъ онъ представится, такъ что каждый классъ, вступая въ борьбу съ классомъ надъ нимъ стоящимъ, уже находится въ борьбѣ съ классомъ, находящимся подъ нимъ. Поэтому, князья ведутъ борьбу съ королевской властью,

о завязкѣ. Вотъ достаточный примѣръ нѣмецкой формы совершаемыхъ задачъ, примѣръ тому, какъ наша исторія, подобно неловкому рекруту, ставила себѣ до сихъ поръ задачею лишь упражняться въ повтореніи давно уже продѣланныхъ историческихъ процессовъ.

Если бы, слѣдовательно, общее развитіе Германіи не ушло дальше ея политическаго развитія, то нѣмецъ могъ бы участвовать въ рѣшеніи задачъ современности лишь въ такой же мѣрѣ, какъ и русскій. Но, какъ отдѣльная личность не можетъ быть связана рамками націи, такъ и вся нація не можетъ быть освобождена благодаря освобожденію отдѣльной личности. Скиѳы, ни на шагъ не приблизились къ греческой цивилизаціи оттого, что Греція насчитывала среди своихъ философовъ одного скиѳа.

Къ счастью, мы, нѣмцы, не скиѳы.

Какъ древніе народы переживали свой доисторическій періодъ въ мірѣ воображенія, въ мифологіи, такъ и мы, нѣмцы, пережили нашу будущую исторію въ мірѣ мысли, въ философіи. Въ философіи, мы современники настоящаго, не будучи его историческими современниками. Нѣмецкая философія есть идеальное продолженіе нѣмецкой исторіи. Когда мы, слѣдовательно, подвергаемъ критикѣ, вмѣсто oeuvres—in—complettes нашей реальной исторіи, oeuvres-posthumes нашей исторіи идеальной, нашей философіи, то наша критика оказывается въ самой серединѣ вопросовъ, про которые современность говоритъ: that is the question. *Практическому* разладу передовыхъ народовъ съ современными государственными порядками, соотвѣтствуетъ пока въ Германіи, гдѣ самые эти порядки еще не существуютъ, *критическій* разладъ съ отраженіемъ этихъ порядковъ въ философіи.

Философія право государство въ Германіи есть единственная форма нѣмецкой исторіи, стоящая на уровнѣ оффиціальной современности. Поэтому, нѣмецкому народу приходится причислить эту исторію, пережитую въ грезахъ, къ своимъ наличнымъ порядкамъ, и подвергнуть критикѣ не только эти порядки, но и ихъ абстрактное продолженіе. Будущ-

Но каждому отдѣльному классу въ Германіи недостаетъ не только той послѣдовательности, той рѣзкости, того мужества, той безцеремонности, которые сдѣлали бы его представителемъ отрицательныхъ элементовъ общества. Ни у одного сословія нѣтъ и того душевнаго размаха, который позволилъ бы ему, хотя на мгновеніе, отождествиться съ душою народа, нѣтъ той геніальности, которая изъ матеріальной силы создаетъ политическое могущество, нѣтъ той революціонной отваги, которая бросаетъ противнику дерзкій пароль: «я—ничто, а я бы долженъ быть всѣмъ». Основу нѣмецкой морали и честности не только у особъ, но и у классовъ, составляетъ тотъ скромный эгоизмъ, который возводитъ свою ограниченность въ правило и позволяетъ обращать ее противъ самого себя. Поэтому отношеніе между различными слоями нѣмецкаго общества носитъ не драматическій, а эпическій характеръ. Каждый изъ нихъ начинаетъ проникаться сознаніемъ и выступаетъ со своими особыми требованіями рядомъ съ прочими слоями не подъ вліяніемъ испытываемаго ими гнета, а въ томъ случаѣ, когда условія времени, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, создаютъ подъ нимъ новый общественный слой, на который онъ въ свою очередь можетъ оказать гнетъ. Даже нравственное самочувствіе средняго класса въ Германіи основывается на сознаніи, что онъ является общимъ представителемъ филистерской посредственности всѣхъ прочихъ классовъ. Поэтому не только нѣмецкіе короли mal-à-propos вступаютъ на престолъ, но и всякая сфера буржуазнаго общества претерпѣваетъ пораженіе, не отпраздновавъ еще ни одной побѣды; создаетъ свои собственныя преграды, не разрушивъ еще выставленныхъ противъ нея преградъ; проявляетъ ограниченные элементы своей природы, прежде чѣмъ могли обнаружиться ея великодушные элементы; такъ что даже случай сыграть крупную роль ускользаетъ для каждой изъ этихъ сферъ прежде, чѣмъ онъ представится, такъ что каждый классъ, вступая въ борьбу съ классомъ надъ нимъ стоящимъ, уже находится въ борьбѣ съ классомъ, находящимся подъ нимъ. Поэтому, князья ведутъ борьбу съ королевской властью,

о завязкѣ. Вотъ достаточный примѣръ нѣмецкой формы совершаемыхъ задачъ, примѣръ тому, какъ наша исторія, подобно неловкому рекруту, ставила себѣ до сихъ поръ задачею лишь упражняться въ повтореніи давно уже продѣланныхъ историческихъ процессовъ.

Если бы, слѣдовательно, общее развитіе Германіи не ушло дальше ея политическаго развитія, то нѣмецъ могъ бы участвовать въ рѣшеніи задачъ современности лишь въ такой же мѣрѣ, какъ и русскій. Но, какъ отдѣльная личность не можетъ быть связана рамками націи, такъ и вся нація не можетъ быть освобождена благодаря освобожденію отдѣльной личности. Скиѳы, ни на шагъ не приблизились къ греческой цивилизаціи оттого, что Греція насчитывала среди своихъ философовъ одного скиѳа.

Къ счастью, мы, нѣмцы, не скиѳы.

Какъ древніе народы переживали свой доисторическій періодъ въ мірѣ воображенія, въ мифологіи, такъ и мы, нѣмцы, пережили нашу будущую исторію въ мірѣ мысли, въ философіи. Въ философіи, мы современники настоящаго, не будучи его историческими современниками. Нѣмецкая философія есть идеальное продолженіе нѣмецкой исторіи. Когда мы, слѣдовательно, подвергаемъ критикѣ, вмѣсто oeuvres—in—complettes нашей реальной исторіи, oeuvres-posthumes нашей исторіи идеальной, нашей философіи, то наша критика оказывается въ самой серединѣ вопросовъ, про которые современность говоритъ: that is the question. *Практическому* разладу передовыхъ народовъ съ современными государственными порядками, соотвѣтствуетъ пока въ Германіи, гдѣ самые эти порядки еще не существуютъ, *критическій* разладъ съ отраженіемъ этихъ порядковъ въ философіи.

Философія право государство въ Германіи есть единственная форма нѣмецкой исторіи, стоящая на уровнѣ оффиціальной современности. Поэтому, нѣмецкому народу приходится причислить эту исторію, пережитую въ грезахъ, къ своимъ наличнымъ порядкамъ, и подвергнуть критикѣ не только эти порядки, но и ихъ абстрактное продолженіе. Будущ-

собой разложеніе всѣхъ сословій, сферы, которая пріобрѣтаетъ универсальный характеръ, благодаря своимъ универсальнымъ страданіямъ, которая не претендуетъ на какое-нибудь особое право, потому что по отношенію къ ней допущено не какое то особое безправіе, а безправіе вообще, которая можетъ ссылаться не на историческія права, а только на права человѣческія, которая находится не въ одностороннемъ противорѣчіи къ послѣдствіямъ нѣмецкаго государственнаго порядка, а во всестороннемъ противорѣчіи къ его предпосылкамъ,-сфера, наконецъ, которая не можетъ освободиться, не освободивъ себя отъ всѣхъ прочихъ сферъ общества, а тѣмъ самымъ и всѣ прочія сферы общества, которая, однимъ словомъ, знаменуетъ полную утрату человѣка, и, слѣдовательно, можетъ обрѣсти себя, только опять вполнѣ обрѣтя человѣка.

Особое сословіе, представляющее это разложеніе общества, есть *пролетаріатъ*.

Пролетаріатъ Германіи начинаетъ создаваться лишь съ проникновеніемъ въ нее индустріальнаго движенія, потому что пролетаріатъ образуетъ не нищета, естественно возникающая, а нищета, искусственно созданная, не масса, механически подавленная всей тяжестью общества, а масса, получившаяся, какъ продуктъ остраго общественнаго разложенія, преимущественно разложенія средняго сословія; хотя само собою разумѣется, что въ ряды пролетаріата постепенно вступаютъ и естественно-возникающая бѣднота и христіанско-германское крѣпостное населеніе.

Когда пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе существующаго мірового порядка, онъ высказываетъ лишь тайну своего собственнаго существованія, такъ какъ онъ именно представляетъ фактическое разложеніе этого мірового порядка. Когда онъ требуетъ отрицанія частной собственности, онъ дѣлаетъ лишь цринципомъ общества то, что общество сдѣлало его принципомъ, то, что безъ всякаго содѣйствія съ его стороны воплощено уже въ немъ, какъ отрицательный общественный результатъ. Права пролетарія по отношенію къ зарождающемуся міру такія же, какъ и права нѣмецкаго короля по отношенію къ уже созданному міру, когда этотъ король говоритъ про народъ: «*мой* народъ», точно такъ же, какъ онъ говоритъ про лошадь: «*моя* лошадь». Король, объявляя народъ своей частной собственностью, говоритъ этимъ только, что на королевскомъ престолѣ сидитъ частный собственникъ.

Какъ философія находитъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное оружіе, такъ пролетаріатъ находитъ въ ней свое оружіе духовное, и какъ только молнія мысли основательно ударитъ въ эту наивную народную почву, совершится эмансипація нѣмцевъ въ людей.

Резюмируемъ выводъ: единственнымъ, практически возможнымъ освобожденіемъ Германіи является освобожденіе съ точки зрѣнія той теоріи, которая высшимъ существомъ для человѣка объявляетъ самого человѣка. Освобожденіе отъ средневѣковья въ Германіи возможно лишь какъ одновременное освобожденіе отъ всѣхъ частичныхъ побѣдъ надъ средневѣковьемъ.

Въ Германіи ни одна форма рабства не можетъ быть уничтожена безъ уничтоженія всѣхъ формъ рабства. Основательная Германія не можетъ совершить революціи иначе, какъ совершая ее самымъ основательнымъ образомъ. Эмансипація нѣмцевъ это — эмансипація человѣка. Философія играетъ въ этой эмансипаціи роль головы, пролетаріатъ — роль сердца. Философія не можетъ осуществиться, не уничтоживъ пролетаріата; пролетаріатъ не можетъ уничтожиться *), не осуществивъ философію.

Когда всѣ внутреннія условія будутъ выполнены, день *воскресенія Германіи* будетъ возвѣщенъ *звучнымъ крикомъ гальскаго пѣтуха*.

*) Игра словъ: sich aufheben — уничтожиться, а также: подняться, возстать.

Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ“

Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи **К. Каутскаго. Полный** переводъ. 3-е изд. Ц. 30 к.

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. В. Засуличъ. 2-е изд. Ц. 25 к.

К. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну (Антикритика). Переводъ съ нѣм. А. Г. Гойхбарга. Ц. 60 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Съ предисловіемъ автора. Перев. съ нѣм. П. Караваева. Ц. 8 к.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Съ тремя предисловіями авторовъ и предисловіемъ **Г. Плеханова.** Ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ **Ф. Энгельса.** Пер. съ нѣм. Ѳ. Капелюша подъ ред. Б. Кричевскаго. Ц. 20 к.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1871). Съ пред. **Ф. Энгельса.** Перев. съ нѣм. подъ ред. **П. Ленина.** 2-е изд. Ц. 15 к.

К. Марксъ. Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля. Переводъ подъ редакціей **Ю. Адамовича.** Ц. 6 к.

К. Марксъ. Рѣчь о свободной торговлѣ, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Демократической Ассоціаціи въ Брюсселѣ 9 января 1848 г. Перев. и пред. **В. Д. Ульриха.** Ц. 6 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Пер. съ нѣмецкаго В. А. Поссе. 2-е изд. Ц. 6 к.

К. Каутскій. Воспоминанія (Автобіографія). Переводъ съ рукописи В. Засуличъ. Ц. 5 к.

Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Переводъ В. Величкиной подъ ред. и съ пред. **Г. Плеханова.** Ц. 15 к.

Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Съ предислов. **Эд. Бернштейна** 2 е изд. Ц. 6 к.

Ф. Лассаль. Программа работниковъ. 2-е изд. Ц. 8 к.

Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгресса въ Лейпцигѣ. Съ предисловіемъ **Эд. Бернштейна** и портр. Лассаля. Ц. 10 к.

А. Бебель. Женщина и соціализмъ. Переводъ съ 34 го нѣмецкаго изданія подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 75 к.

А. Бебель. Положеніе женщины въ наст. и будущ. 5-е изд. Ц. 8 к.

А. Бебель. О Бернштейнѣ. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. В. А. Поссе. 3-е изд. Ц. 15 к.

В. Браке. Долой соціаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго д-ра П. Аксельродъ. 2-е изд. Ц. 6 к.

Эдуардъ Бернштейнъ. Возможенъ-ли научный соціализмъ? **Отвѣтъ Г. Плеханова.** Ц. 15 к.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). О „Проблемахъ идеализма". 2-е изданіе. Ц. 15 к.

П. Ленинъ. Аграрный вопросъ и „критики" Маркса. Ц. 15 к.

Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Пер. съ франц. А. Днѣпровой подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 4 к.

Ж. Гэдъ и П. Лафаргъ. Чего хотятъ соціалъ-демократы. Переводъ, предисловіе, примѣчанія и приложеніе **Г. Плеханова.** Ц. 8 к.

П. Лафаргъ. Женскій вопросъ. Переводъ съ франц. Ц. 6 к.

М. Шиппель. Профессіональные союзы рабочихъ. Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. Д. Ульриха. 2-е изд. Ц. 10 к.

Р. Зейдель. 8-ми часовой рабочій день. Переводъ съ нѣмецкаго В. Ивановой. Ц. 5 к.

А. Арну. Мертвецы Коммуны. Переводъ съ франц. Ц. 4 к.

Э. Вандервельдъ. Золотая свадьба международнаго соціализма. Ц. 6 к.

Вильгельмъ Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к.

В. Либкнехтъ. Его жизнь и дѣятельность. Очеркъ **К. Эйснера.** Съ портретомъ Либкнехта. Ц. 15 к.

В. Либкнехтъ. Два міра. Рѣчь, произнесен. по случаю годовщины основ. народн.союза въ Криммитшау 22 окт. 1871 г. Съ пред. Ю. Моттелера. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 15 к.

Ж. Лонге. Соціализмъ въ Японіи. Пер. съ франц. В. Засуличъ. Ц. 10 к.

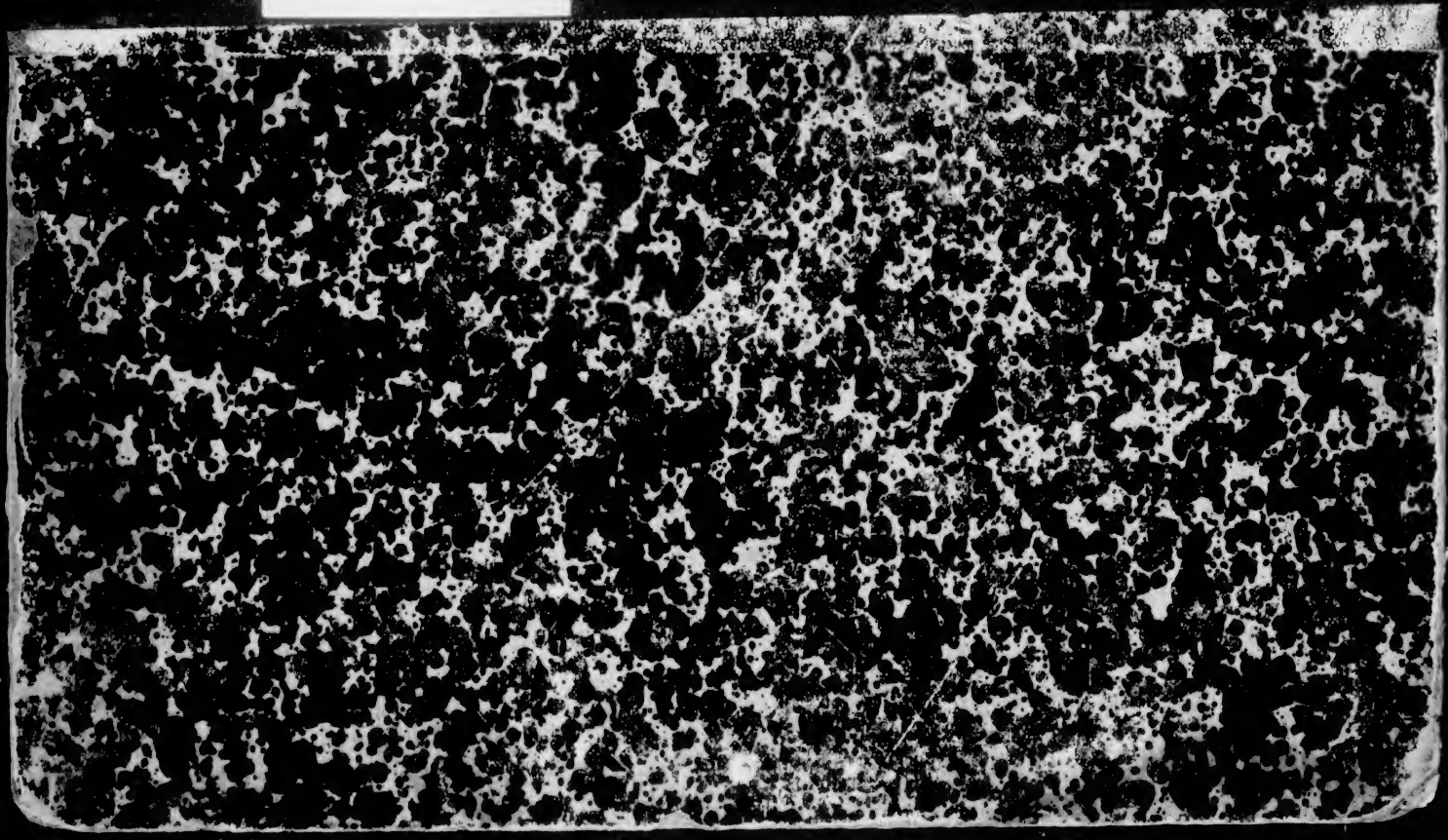
Съ требованіями адресоваться:

Одесса, книгоиздательство „Буревѣстникъ".

Отдѣленія склада:

С.-Петербургъ, книжный магазинъ **„Право"**, Загородный пер., 2.
Москва, книжный магазинъ **„Трудъ"**, Тверская ул.
Варшава, книжный магазинъ **„Знаніе"**.
Рига, книжный магазинъ **К. Зихмана.**
Самара, **Губернское Земство.**
Саратовъ, „ „
Пермь, „ „

На мелкіе заказы просятъ прилагать марки, присчитывая на каждый рубль заказа 25 коп. на пересылку. Выписывающіе изъ склада на три рубля и больше за пересылку не платятъ. Наложеннымъ платежемъ не высылается.

COLUMBIA UNIVERSITY
0032019742

DEMCO